

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 166–171

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 166–171

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>

EDN: GSRVPL

Научная статья

УДК 070.16

Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа

О. И. Агнстикова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

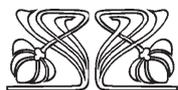
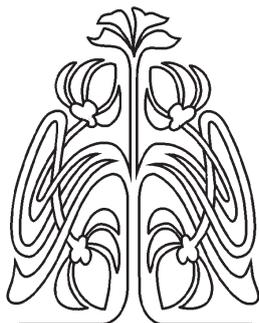
Агнстикова Ольга Игоревна, аспирант кафедры национальных и глобальных медиа, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Аннотация. Статья посвящена проблеме медийного проецирования стратегических нарративов в условиях господства антагонистического дискурса в отношениях между Россией и Западом. Актуальность проблема приобретает ввиду усиления конфликтной составляющей на международной арене, что вызывает стремление ряда стран диктовать свой вариант толкования происходящего в качестве единственно верного с помощью активизации процесса производства общественного согласия. На примере нескольких зарубежных онлайн-изданий показана специфика нарратива противостояния. Обозначены его структурные элементы, раскрыты особенности. Утверждается, что содержанием нарратива выступает обвинительная риторика, лежащая в плоскости внешнеполитических межгосударственных отношений. Охарактеризованы несколько моделей медийного отображения стратегических нарративов. Выявлено, что, помимо государств и политического руководства, в нарратив противостояния вовлечены также лица, критикующие власть, которые изображены в качестве угнетаемых. Подчеркивается, что основным инструментом выстраивания нарратива противостояния выступает использование дискурсивных практик конструирования «Другого», отличающихся негативно-оценочной семантикой, что актуализирует образ «чужого» как внешнего врага. В качестве «каркаса» рассматриваемого нарратива предстают темы, которые в связи с кардинальными расхождениями в толковании относящихся к ним событий углубляют противоречия с «Другим» как дискурсивной мишенью. Среди тактик, используемых для укрепления нарратива противостояния, выделяется ниспровержение контрнарративов, формируемых противоположной стороной. Обнаружено, что важными условиями, благоприятствующими функционированию в СМИ нарратива противостояния, обладающего качествами конфликтогенности, радикальности, являются элитарно-официальная природа большинства новостей, а также декларирование информационной войны. Сделан вывод, что опора на одни и те же стратегические нарративы в журналистских материалах выступает фактором дискурсивного ограничения спектра оценок общественно значимых событий, явлений, процессов, а состояние конфликта интерпретаций интенсифицирует антагонистический характер транслируемых в медиа нарративов, активизируя символическую борьбу между ними за осуществление дискурсивной власти.

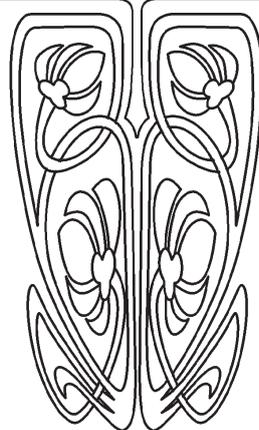
Ключевые слова: стратегический нарратив, дискурсивные практики, дискурсивная борьба, символическая власть, антагонистический дискурс

Для цитирования: Агнстикова О. И. Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 166–171. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>, EDN: GSRVPL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Reflection of the strategic narrative of confrontation in non-governmental online media

O. I. Agnistikova

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Olga I. Agnistikova, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Abstract. The article deals with the problem of media displaying strategic narratives in the context of the domination of the antagonistic discourse in the relations between Russia and the West. The issue is becoming ever more urgent since the conflict component is being intensified on the global stage, which prompts the eagerness of a number of countries to impose their interpretation of what is happening as the only correct version, by means of promoting public agreement. On the example of several foreign online media the specific features of the narrative of confrontation are shown. Its structural elements are indicated, its particular properties are revealed. It is argued that the content of the constructed narrative is accusatory rhetoric, lying on the plane of foreign policy interstate relations. Several models of media representation of strategic narratives are characterized. The narrative of confrontation is revealed to have involved, besides the states and political leadership, people criticizing government, as the oppressed. It is emphasized that the main tool for constructing the narrative of confrontation is the use of discursive practices of constructing the "Other", characterized by negative and evaluative semantics, which actualizes the image of the "alien" as an external enemy. Some topics are defined as the "framework" of the narrative in question; due to significant differences in the interpretation of events related to them, they sharpen the contradictions with the "Other" as with the discursive target. It was found that important conditions favorable to the functioning of the narrative of confrontation in the media are the elitist-official nature of the majority of news, as well as the declaration of the information war. It is concluded that the reliance on the same strategic narratives in journalistic materials acts as a factor of discursive limitation of the spectrum of evaluations of socially significant events, phenomena and processes, and the state of conflict of interpretations intensifies the antagonistic nature of the narratives broadcast in the media, activating the symbolic struggle between them for the exercise of discursive power.

Keywords: strategic narrative, discursive practices, discursive struggle, symbolic power, antagonistic discourse

For citation: Agnistikova O. I. Reflection of the strategic narrative of confrontation in non-governmental online media. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 166–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>, EDN: GSRVPL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Под влиянием предельно напряженной международной обстановки медийные источники все чаще позиционируются как средства ведения «информационной войны», что способствует конфронтационной риторике, создавая враждебного «Другого» [1, р. 289]. Для подобной ситуации характерна дискурсивная борьба на поле означивания, когда через «выработку, трансляцию и усвоение смысла социальными субъектами» [2, с. 5] реализуется механизм власти над общественным сознанием, утверждается один из конфликтующих друг с другом вариантов интерпретаций общественно значимых событий, явлений, процессов.

Исследователями признается значимая роль контекстуального эффекта в процессе формирования общественного мнения: «...люди, живущие в разных медийных контекстах, могут подвергаться воздействию и получать информацию о разных вопросах в зависимости, по крайней мере частично, от своего местонахождения» [3, р. 5]. Изменчивость информационной среды во времени и пространстве «в значительной степени предопределяет относительный вес социальных и других механизмов в структурировании тенденций общественного мнения» [4, р. 44].

Аудитория более склонна полагаться на сообщения СМИ при невозможности обращения к непосредственному персональному опыту [5, р. 3]. Медиатизированный опыт играет особую

роль применительно к политической тематике: «...вследствие зависимости от СМИ в получении политической информации, а также разнообразия точек зрения медиаконтекст может в большей степени, чем межличностные дискуссии, ознакомить людей с актуальным климатом мнений» [3, р. 4]. Кроме того, медийные источники оказывают влияние на воспринимаемый образ страны, значимость чего возрастает в периоды конфликтов, кризисов и долгосрочного, углубляющегося раскола в межгосударственных отношениях, роста взаимного недовольства, недоверия.

Учитывая, что «кульминация обоюдных разочарований перешла в официальную коммуникацию» [6] и прочно закрепилась в ней, медиа, задавая определенные рамки, позволяющие оценивать те или иные события в заданном ключе, нередко обращаются к объяснительным схемам, уже сформированным властями (правительством) какой-либо страны. Как результат, коммуникационная среда представлена интерпретациями, находящимися подчас в состоянии противоречия друг с другом [7, р. 11]. Речь идет о производимых государствами и зачастую несовместимых друг с другом стратегических нарративах, которые конкурируют между собой за поддержку аудитории [8, р. 117].

Обозначенные выше обстоятельства свидетельствуют об актуальности рассмотрения проблемы влияния доминирующих в официальном

политическом дискурсе нарративов на содержание журналистских материалов. Применяя в настоящей статье концепцию стратегического нарратива, мы исходим из того, что она обеспечивает более глубокое понимание того, как медиа могут использоваться ведущими политическими субъектами в стремлении последних достичь определенных коммуникативных целей, в том числе сформировать и поддерживать общественное мнение. Кроме того, данная концепция позволяет полнее раскрыть инструментальную роль медиа в условиях символической битвы противостоящих друг другу трактовок событий, влияющих на отношения между странами в обстановке возрастающей конфликтности на международной арене.

Стратегические нарративы в традиционных медийных источниках изучены в достаточной степени, чего нельзя пока сказать о новостных ресурсах «цифровой» природы. Высказывается лишь общее замечание, что стратегические нарративы хрупки в гибридной онлайн-среде: «...проецируемые популярным источником информации, они уже не имеют прежнего уровня доминирования... и, следовательно, должны постоянно подкрепляться новыми историями, чтобы вызвать дискуссию и удержать внимание аудитории на теме» [9, р. 62]. Настоящее исследование призвано внести вклад в восполнение этого пробела. На примере нескольких сетевых изданий мы стремимся выяснить, какое место стратегические нарративы занимают в негосударственных онлайн-медиа.

Под стратегическим нарративом в настоящем исследовании понимается репрезентация последовательности событий и идентичностей, «коммуникативный инструмент, с помощью которого политические акторы» (как правило, элиты) «пытаются придать определенный смысл прошлому, настоящему и будущему» для достижения политических целей [10, р. 112]. Стратегический нарратив рассматривается в качестве социального конструкта, «основанного на взаимодействии государств как со своими обществами, так и с внешними значимыми другими» [7, р. 8]. Его параметры ограничены преобладающими внутренними и международными представлениями и ожиданиями [7, р. 8].

Медийная проекция стратегических нарративов связана с достижением различных коммуникативных целей, таких как установление повестки дня, отвлечение внимания, обеспечение молчаливого согласия, повышение популярности, содействие формированию определенного политического курса [11, р. 23–24]. Они также могут быть направлены на легитимацию политических решений и консолидацию общественного мнения по тому или иному вопросу [7, р. 8]. Считается

поэтому, что первоисточником стратегических нарративов является государство, стремящееся упрочить свое влияние на восприятие, мнения и поведение населения, а главным их распространителем называют телевидение (в частности, новостные передачи) [12, р. 379].

Сила стратегических нарративов основана на эмоциональной и социокультурной составляющей: «...каждая сторона стратегически проецирует свой собственный ценностный и эмоционально насыщенный нарратив о проблемах, которые имеют наибольшее значение, о том, что их вызвало и как они должны быть решены, с целью убедить других в том же мнении» [13, р. 75]. Это формирует контекст, в котором другие сообщения могут с большей легкостью быть направлены в необходимое русло [14, р. 408], чему способствуют степень резонирования с ценностями аудитории, убедительность описания причин и следствий [15, р. 23].

Настоящее исследование строится на предположении, что онлайн-издания в целом не отстают от стратегических нарративов, установленных властью и выражающих противостояние России и Запада. Оговоримся: дальнейшее рассмотрение западных медиадискурсов не означает, что стратегические нарративы не представлены в дискурсах иных стран.

Эмпирической базой послужили материалы трех зарубежных сетевых изданий: 15min (Литва), Gazeta (Польша), Aktualne (Чехия). Выбор обусловлен следующими факторами: регистрация издания в стране, характеризующейся напряженностью отношений с Россией, негосударственная форма медиасобственности, размер аудитории, превышающий один миллион посетителей в месяц, акцент на общественно-политической тематике, провозглашение принципа независимости в открыто публикуемой редакционной политике. Хронологические рамки исследования: июль–декабрь 2021 г. Для анализа использована аналитическая схема М. Р. Сомерса (действующие лица, связь событий друг с другом, темпорально-пространственный срез) [16, р. 616]. Рассматривая нарративные структуры, мы обращались к таким элементам, как акторы (приписываемые им характеристики, а также действия, с которыми они ассоциируются), основные темы и проблемы [17, р. 21].

Анализ показал, что в целом в выбранных изданиях с высокой степенью выраженности прослеживается соответствие стратегическому нарративу противостояния. Последний выстраивается вокруг воспринимаемой враждебности по линии противопоставления России и Запада, что типично для медийного и политического дискурса последних лет [18, с. 95]: «...это лишь один

из элементов широко проводимой операции, направленной против нас и всего Запада» [19] (здесь и далее в качестве примеров приводятся некоторые цитаты из рассматриваемых изданий).

Содержанием нарратива выступают обвинения в гегемонии, злонамеренности, игнорировании интересов стран западного мира, интервенционизме, нарушении международно-правовых норм: «...используются мифы для оправдания агрессии против других стран и нарушения общепринятых норм международного права» [20]. Преобладающий мотив связан с обвинением-вызовом и адресуется контрагенту-противнику, что является одним из свойств нарративной рамки правительственной риторики [21, с. 66]: «Это режим, который бросает вызов не только россиянам, верящим в демократию, но и Западу, раздираемому различными интересами» [22]. Интерпретация событий обычно не выходит за пределы нарратива противостояния, встраиваясь в его структуру. Противоположные стратегические нарративы (контрнарративы) ниспровергаются: «...правлящая элита, выступая с лозунгами о борьбе с “западным разложением” и защите российских традиций, открыто и беззастенчиво потребляет его в виде предметов роскоши» [20].

Наиболее видимыми акторами выступают официальные лица (представители политического руководства), что указывает на элитарную природу главных источников информации в журналистских текстах, следующих логике стратегических нарративов. Эта особенность согласуется с государственным происхождением стратегических нарративов: последние исходят именно от правящих кругов. Господство такого рода субъектов в медиадискурсе одновременно как действующих лиц и источников усиливает стратегические нарративы, придает им значимость, поскольку «диапазон голосов», допускаемых в поле журналистики, «формирует понимание мира обществом» [23]. Официальная позиция «противника» приводится обычно тогда, когда она вписывается в конфликтный нарратив: «Россия пригрозила военным ответом на расширение НАТО» [24].

Вышеупомянутый стратегический нарратив обнаруживает себя не только при цитировании официальной позиции представителей власти, но и в экспертных комментариях, а также при непосредственном выражении мнения автором текста. Это позволяет говорить о нескольких моделях медийного отображения стратегических нарративов:

1) модель трансляции официальной (государственной) позиции – реализуется, как правило, в заметках, связана с цитированием высказываний политических деятелей без каких-либо авторских комментариев;

2) модель трансляции авторской (журналистской) позиции – реализуется чаще всего в статьях, связана с выражением от лица автора (журналиста) активной субъектной позиции;

3) модель трансляции экспертной позиции – реализуется обычно в интервью, комментариях, связана с выражением экспертного мнения.

Объектом, на который направлен стратегический нарратив противостояния, служит отдельная страна. Прослеживается интенция формирования ее негативного медиаобраза, что достигается за счет дискурсивных практик конструирования «Другого» [25, с. 24], имеющих отрицательно-оценочную семантику. Актуализируется образ внешнего врага, а на первый план выходят его негативные характеристики. Этот эффект усиливается при персонификации дискурсивного объекта. Персонифицированный образ позволяет задействовать личностные идеологемы, которые складываются вокруг лидера государства и «укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов»: к примеру, образ диктатора [26]. Кроме того, активизируется присвоение отрицательно-оценочных идентификаторов, лежащих в моральной плоскости. Дискурсивному объекту-мишени приписываются номинации с отрицательной коннотацией, которые являются ядром семантической доминанты «агрессия/агрессивность».

Помимо политических акторов определенная роль в нарративе принадлежит категории действующих лиц, которые изображаются как угнетенные властями страны-«врага» (к примеру, гражданские и политические активисты). Таким субъектам приписываются высокие моральные качества: «...совесть нельзя ни задавить, ни объявить вне закона» [27]. Это контрастирует с отрицательными атрибутами «радикального Другого».

Внимание акцентируется на таких темах, которые ввиду кардинальных расхождений в интерпретации относящихся к ним событий углубляют противоречия с «Другим». «Ядром» являются внешнеполитические сюжеты. Если ведущим тематическим направлением можно назвать предполагаемую внешнюю угрозу, то иные проблемные поля призваны так или иначе подтвердить этот элемент нарратива. В частности, типичными являются утверждения о распространении дезинформации, пропаганды: «Мы больше не можем отрицать, что враждебная кремлевская пропаганда нацелена на наши институты и общество» [28]. Рефреном проходит также мотив информационной войны: «Россия все активнее атакует информационное пространство» [29].

Другой тематический пласт связан с внутриполитической обстановкой. Характер поднима-

емых вопросов свидетельствует о выполнении функции демонстративного дистанцирования от «Другого» как мишени стратегического нарратива. Это достигается в основном за счет описания в негативном свете общей ситуации в стране: «...за два десятилетия... правительство неуклонно отказывалось от этих прав. Президент заглушил СМИ, заключил в тюрьмы... диссидентов и подавил политическую оппозицию» [30]. В подобную рамку вписывается проблематика нарушений прав человека, политического преследования, подавления инакомыслия, а также запретительно-ограничительной политики в области свободы слова: «...существует большое недовольство... моральным пренебрежением к правам и достоинству человека» [31]. Направленность нарратива подчеркивается с помощью широко распространенных в политическом дискурсе лексем с отрицательной коннотацией, идеологически-модальной лексики, словесных ярлыков, идеологом (например, «репрессии», «режим», «авторитаризм», «пророссийский»).

Таким образом, стратегические нарративы являются одним из механизмов производства внутринационального согласия, символической власти, дискурсивного контроля. Их функционирование связано, среди прочего, со стремлением политического руководства контролировать общественное мнение [32, p. 35]. В условиях провозглашенного информационного противостояния конкурирующие стратегические нарративы продвигаются особенно интенсивно, приобретая конфронтационный характер. Медианарративы позволяют рассмотреть интерпретационные рамки как способ «захвата» дискурса, что особенно значимо в условиях наполненности новостного поля событиями, вызывающими диаметрально противоположные реакции и оценки в зависимости от идеологической позиции.

Рассмотренные издания в целом следуют стратегическому нарративу противостояния, исходящему от политических элит. Это согласуется с тезисом о подверженности СМИ «влиянию общей политической обстановки, в которой они существуют» [33, p. 35]. Текстам свойственно дискурсивное конструирование «чужого», что является крайним выражением установления различия на уровне дискурса. Это приводит к выстраиванию антагонистического дискурса. Дискурсивная структура создает новых героев и события по схожим шаблонам: «Как снежный ком, эти когнитивные сценарии, культурно обусловленные рамки, выйти за которые становится все сложнее и сложнее, с течением времени обрастают все новыми событиями» [34, с. 175]. Фактором интенсификации стратегического нарратива выступает медиаконцепт информационной войны, использование которого

позволяет отвергнуть почти любые обвинения, выдвигаемые противоположной стороной.

Наше исследование демонстрирует, что в ряде случаев стратегические нарративы могут проецироваться в онлайн-изданиях. Цифровая среда может использоваться для поддержания, усиления сформулированных властью нарративов. Если медиаландшафт характеризуется господством одних и тех же стратегических нарративов, это может способствовать сужению круга трактовок, ограничивая те из них, которые выступают альтернативными. Последовательное представление определенных нарративов «в сочетании с реальными событиями и освещением последних в медиа усилит сопротивление изменению этих нарративов», а «отсутствие сильных контрнарративов будет способствовать укреплению существующего официального нарратива» [35, p. 7]. В то же время в диффузной медиаэкологии любые нарративы могут быть критически оценены и оспорены.

Список литературы

1. *Baumann M.* “Propaganda Fights” and “Disinformation Campaigns”: The discourse on information warfare in Russia – West relations // *Contemporary Politics*. 2020. Vol. 26, iss. 3. P. 288–307. <https://doi.org/10.1080/13569775.2020.1728612>
2. *Федотова М. Г.* Означивание социальной информации как фактор системной трансформации современного транзитивного общества : дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2016. 407 с.
3. *Hoffman L. H.* Public Opinion in Context: A Multilevel Model of Media Effects on Perceptions of Public Opinion and Political Behavior : Diss. PhD. The Ohio State University, 2007. 190 p.
4. *Shamir J.* Information Cues and Indicators of the Climate of Opinion: The Spiral of Silence Theory in the Intifada // *Communication Research*. 1995. Vol. 22. P. 24–53. <https://doi.org/10.1177/009365095022001002>
5. *Fields B.* School Discipline Coverage in Australian Newspapers: Impact on Public Perceptions, Educational Decisions and Policy. 2006. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2005/fe05290.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).
6. *Claessen E.* The making of a narrative: The use of geopolitical othering in Russian strategic narratives during the Ukraine crisis // *Media, War & Conflict*. 2021. Vol. 16, iss. 1. <https://doi.org/10.1177/17506352211029529>
7. *Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L.* Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. New York : Routledge, 2013. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9781315871264>
8. *Szostek J.* Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during “Information War” in Ukraine // *The International Journal of Press/Politics*. 2017. Vol. 23, iss. 1. P. 116–135. <https://doi.org/10.1177/1940161217743258>

9. Grigor I. Weaponized News: Russian Television, Strategic Narratives and Conflict Reporting : Diss. Dr. Helsinki, 2020. 100 p.
10. Miskimmon A., O'Loughlin B. Russia's Narratives of Global Order: Great Power Legacies in a Polycentric World // *Politics and Governance*. 2017. Vol. 5, iss. 3. P. 111–120. <https://doi.org/10.17645/pag.v5i3.1017>
11. Mattern J. B. Ordering International Politics: Identity, Crisis and Representational Force. London : Routledge, 2004. 320 p.
12. Szostek J. The Power and Limits of Russia's Strategic Narrative in Ukraine: The Role of Linkage // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, iss. 2. P. 379–395. <https://doi.org/10.1017/S153759271700007X>
13. Szostek J. News media repertoires and strategic narrative reception: A paradox of dis/belief in authoritarian Russia // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20, iss. 1. P. 68–87. <https://doi.org/10.1177/1461444816656638>
14. Oates S. Russian State Narrative in the Digital Age: Rewired Propaganda in Russian Television News Framing of Malaysia Airlines Flight 17 // *Russian Politics*. 2016. Vol. 1, iss. 4. P. 398–417. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104004>
15. Freedman L. The Transformation of Strategic Affairs. London : Routledge, 2006. 144 p.
16. Somers M. R. The narrative constitution of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. P. 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>
17. Deverell E., Wagnsson C., Olsson E.-K. Destruct, direct and suppress: Sputnik narratives on the Nordic countries // *The Journal of International Communication*. 2021. Vol. 27, iss. 1. P. 15–37. <https://doi.org/10.1080/13216597.2020.1817122>
18. Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Смысловые маркеры дискурса холодной войны // *Политическая лингвистика*. 2016. № 2. С. 93–101.
19. Cel jest prosty, skłócić nas i pokazać jako bezdusznych. Mińsk i Moskwa z sytuacji na granicy czerpią garściami. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,27489346,cel-jest-prosty-sklodcic-nas-i-pokazac-jako-bezdusznych-minsk.html> (дата обращения: 14.05.2022).
20. Polska prawica o „zdroworozsądkowej“ ideologii Putina. Krecia robota Kremla w ten sposób osiąga swoje cele. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,27767031,na-prawicy-dyskusje-nad-slusznościa-ideologii-putina-wioska.html> (дата обращения: 14.05.2022).
21. Магун А. В., Микиртумов И. Б., Пархоменко А. А. Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 60–73. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/7>
22. Putino administracijoje dirbęs Andrejus A. Kovaliovas: „Aš pamaciau neapsiskaiciusį, neišsilavinusį, neįtikėtinai cinišką žmogų“. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/putino-administracijoje-dirbes-andrejus-a-kovaliovas-as-pamaciau-neapsiskaiciusi-neissilavinusi-neitiktinai-ciniska-zmogus-57-978868> (дата обращения: 14.05.2022).
23. Mathisen B. R. Sourcing Practice in Local Media: Diversity and Media Shadows. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17512786.2021.1942147> (дата обращения: 14.05.2022).
24. Rusija pagrasino kariniu atsaku į NATO plėtrą. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/rusija-pagrasino-kariniu-atsaku-i-nato-pletra-57-1613092> (дата обращения: 14.05.2022).
25. Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.
26. Ukrajina je v očích Putina ženou, která utekla z harému, říká ruský filmař Manskij. URL: <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/vitalij-manskij-rusko/r~868e94003b0a11ec8fa20cc47ab5f122/> (дата обращения: 14.05.2022).
27. Andrzej Duda reaguje na likwidację Memoriału. „Sumienia nie da się zdusić“. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,27954373,andrzej-duda-o-likwidacji-memorialu-sumienia-nie-da-sie-ani.html> (дата обращения: 14.05.2022).
28. Europos Parlamentas: Rusija yra pagrindinė dezinformacijos Europoje skleidėja. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/europos-parlamentas-rusija-yra-pagrindine-dezinformacijos-europoje-skleideja-57-1115382> (дата обращения: 14.05.2022).
29. Rusija aktyviau atakuoja informacinę erdvę, tačiau Kremliumi tiki vis mažiau Lietuvos piliečių. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/a-56499788> (дата обращения: 14.05.2022).
30. „NYTimes“: Rusija gniaužia prisiminimus apie gulagą. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/ny-times-rusija-gniauzia-prisiminimus-apie-gulaga-koks-bus-memorial-likimas-57-1602068> (дата обращения: 14.05.2022).
31. Rusus į gatves išvedė ne tik A. Navalnas, o Baltarusijos scenarijus nebūtinai pasikartos. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/rusus-i-gatves-isvede-netik-a-navalnas-baltarusijos-scenarijus-nebutinai-pasikartos-57-1444806> (дата обращения: 14.05.2022).
32. Hinck R. S., Kluver R., Cooley S. Russia re-envision the world: Strategic narratives in Russian broadcast and news media during 2015 // *Russian Journal of Communication*. 2018. Vol. 10, № 1. P. 21–37. <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1421096>
33. Dimitrova D. V., Kaid L. L., Williams A. P., Trammell K. D. War on the Web The immediate news framing of Gulf War II // *The International Journal of Press/Politics*. 2005. Vol. 10, iss 1. P. 22–44. <https://doi.org/10.1177/1081180X05275595>
34. Плахина И. Е., Белякова Т. В. Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 2. С. 159–180.
35. Dimitriu G., De Graaf B. Fighting the War at Home: Strategic Narratives, Elite Responsiveness, and the Dutch Mission in Afghanistan, 2006–2010 // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12, iss. 1. P. 2–23.

Поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 30.01.2023